
ТЕОРИЯ

В. В. ЛАПКИН

ГЛОБАЛЬНАЯ ДИНАМИКА В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ ПОТряСЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Текущий глобальный финансово-экономический и социально-политический кризис завершил предшествующую Эпоху процветания – беспрецедентную по своей протяженности (более полувека) и масштабам преумножения богатства, – завершил всерьез и надолго. Причем с точки зрения базовых концепций, так сказать, научного мейнстрима, кризис оказался непредвиденным и теоретически непредсказуемым, не поддающимся адекватной концептуализации. Серьезные аналитики рынка (прежде всего – в США и Западной Европе), равно как и исследователи, анализирующие нелинейную динамику мирового развития, почти единодушно в том, что кризис еще не сказал своего решающего слова, что проблемы сохранятся по крайней мере на ближайшие год-два, а может быть, и на значительно более длительный срок, что основные причины, его породившие, не устранены, уроки – не извлечены и не усвоены, что основная цель «реактивных» усилий подавляющего большинства ключевых акторов глобальной политики и экономики сугубо консервативная – возвращение к прежнему status quo. В то время как ответственная политика и социально-политическая экспертиза предполагают по меньшей мере необходимость критического пересмотра прежних подходов, основанного на опережающем понимании предстоящей эволюционной трансформации, призванной привести глобальную систему к качественно новому состоянию.

Отличительные особенности текущего момента

«Неожиданно» выявилась крайняя методологическая и теоретико-понятийная ограниченность доминирующих на сегодняшний

день исследовательских подходов к феномену глобального кризиса, а вместе с тем существенно более востребованными стали прежде почти маргинальные теоретические и полуэмпирические конструкции, выявлявшие в мировом экономическом развитии 1980–2000-х гг. его (кризиса) системные предпосылки (см., например: Арриги 2007; Валлерстайн 2003а; Модельски 2005; Хазин б. г.; Modelski 1987; Wallerstein 1987; 2004; Chase-Dunn, Hall 1997). В известной мере приходится констатировать отсутствие базового (конвенционального) инструментария, пригодного для междисциплинарных исследований взаимосвязи такого масштаба финансово-экономических потрясений и драматических изменений во внутренней (социальной) или международной политике¹. Иными словами, помимо своего сегодня уже очевидного сокрушительного воздействия на финансово-биржевой сектор экономики и столь же очевидного текущего и еще предстоящего воздействия на экономику в целом, на социальную сферу и политику, в том числе и международную, кризис бросает вызов и соответствующим отраслям теоретического знания: экономического, социологического, политологического... Это тем более поразительно, что на фоне беспомощности базовых теорий предшествующего периода многие наблюдатели уже при первых серьезных признаках финансовой катастрофы интуитивно уловили в ней аналогию с биржевым кризисом октября 1929 г., ставшим началом Великой депрессии 1930-х гг.

Вместе с тем кризис стал своего рода «моментом истины» для неолиберальной доктрины, трансформировавшим ее «грандиозный успех» в столь же «грандиозный провал» (см.: Валлерстайн 2009: 20). Он в одночасье опрокинул и многочисленные теоретические модели так называемого «устойчивого развития», и господствовавший в сознании значительной части исследовательского сообщества радужный образ установившегося чуть ли не «до

¹ Эту институциональную и интеллектуальную несостоятельность прежнего *мейнстрима* предчувствовали и о ней пишут сегодня столпы прежней финансовой политики (см., например: Soros 2008; Сорос 2009; Greenspan 2007; Гринспен 2009; Скидельски 2008; 2009).

скончания времен» глобального миропорядка (см., например: Wallerstein 2008).

Происходящее побуждает всерьез усомниться в адекватности представлений о принципиальной завершенности и безальтернативности нормативной и институциональной структур современного мира и вместе с тем более внимательно отнестись к блестящей попытке, предпринятой в свое время Карлом Полянью, поставить – на основании анализа причин и опыта Великой депрессии 1930-х гг. – проблему поиска глобальных институциональных альтернатив прежнему миропорядку (см., например: Полянью 2002: 13–16, 70, 272).

Первые сокрушительные удары кризиса испытали на себе преимущественно финансовые институты, крупные биржевые игроки, бизнес-структуры, соблазненные сверхдоступными кредитами, а также политические институты, ответственные за проведение государственной финансовой политики. Но очень скоро, с осени 2008 г., финансовые потрясения обозначили кризис всей глобальной системы, причем в первую очередь кризис управляемости, то есть кризис политический и институциональный. А спонтанная реакция на его первые проявления привела лишь к усилению политико-институциональной составляющей кризиса, поскольку самое активное вмешательство государства в финансово-экономическую сферу, конвертация его репутационных ресурсов, ресурсов общественного доверия в конкретную поддержку банковской сферы стремительно трансформировали ситуацию очередного финансового «сбоя» в глубокий политический кризис глобального масштаба с непредсказуемыми последствиями и весьма туманными перспективами разрешения.

Мнимое спокойствие накануне глобальной геополитической «перестройки»

Аналогия текущего глобального кризиса с кризисной эпохой 1930-х гг., инициированной биржевым крахом 25 октября 1929 г., неслучайна. Фактически на наших глазах завершился полный цикл эволюционного развития глобальной экономической и социально-политической системы, охватывающий весь минувший восьмидесятилетний период (1929–2009 гг.). Существо этого цикла выражается емким понятием *Pax Americana*, включающим представления о последовательном утверждении в мире многочисленных форматов *американской гегемонии*: и финансово-экономической (берущей

начало с Бреттон-Вудских соглашений 1944 г.), и международно-политической (окончательно утвердившейся с распадом в 1991 г. СССР), и культурно-информационной (задавшей всему миру образцы так называемой массовой культуры и привычку «подражать всему успешному, американскому...»), и, наконец, инновационно-технологической (на основе концентрации в США громадного большинства мировой научной элиты и ключевых инновационных разработок).

Позволю себе небольшой исторический экскурс, иллюстрирующий структурно-функциональные аспекты глобальных перемен, происходящих, когда один цикл соответствующего эволюционного развития завершается и ему на смену приходит другой. Каждый раз прежде в такую эпоху ставился и решался вопрос принципиального обновления или смены лидерства в рамках глобальной социально-политической и экономической системы (подробнее см., например: Пантин, Лапкин 2006: 280–301; 2002: 6–19). Так, в свое время именно в ходе Великой депрессии 1930-х гг. произошла окончательная смена глобального лидерства: прежний мировой лидер, Великобритания, уступил место новому лидеру – США. Процесс этот был отнюдь не одномоментным и весьма болезненным не только для «уходящего, старого лидера», но и для обретающих полноценное лидерство США, а также – и, может быть, в наибольшей степени – для всего остального мира, как бы утратившего в этот период всеобщее интегрирующее начало. Повсеместной практикой стали экономическая автаркия и межгосударственные военные конфликты (так называемый *перedel мира*). При этом в те годы не только было положено начало эпохе глобальной американской гегемонии, но и обозначено окончательное завершение прежней эпохи *Pax Britannica*, длительное время характеризовавшейся не менее выразительным экономическим, международно-политическим, культурно-информационным и технологическим доминированием Великобритании.

Здесь важно зафиксировать два момента.

Во-первых, смена лидерства сама по себе составила целую эпоху (в самом широком смысле – с начала XX в. по 1941–1945 гг.) и по отдельным своим составляющим протекала асинхронно: раньше – в сфере технологий, и позднее всего – в сфере международной политики. Вместе с тем эту смену характеризует сочетание преемственности и радикального обновления основных принципов миро-

вого порядка при сохранении на протяжении всего этого периода интенсивного и предельно согласованного финансово-экономического и военно-политического взаимодействия между «уходящим» и «новым» лидерами.

А во-вторых, распавшийся в 1930-х гг. прежний мировой порядок пришлось восстанавливать на новых основаниях немалыми усилиями. Причем то, что было сделано к 1945 г. за счет военной силы, стало возможным благодаря политике «нового курса», подготовившей США к тому, чтобы предложить послевоенному миру (и если необходимо, навязать – по праву нового глобального гегемона) обновленные модели глобального порядка в сферах экономики, политики, культуры и пр.

Иными словами, возвращаясь к сегодняшним сюжетам, из предположения структурного и функционального подобия текущего кризиса Великой депрессии 1930-х гг.² с неизбежностью следует, что этот кризис завершает уходящий глобальный эволюционный цикл, стимулирует радикальное изменение парадигмы глобального лидерства, довершает формирование будущего субъекта-новатора, предназначение которого – осуществить трансляцию основных новаций по всему глобальному пространству в качестве новой базовой нормы политического, социального, культурного и экономического порядка.

При этом сохраняется возможность, что на сей раз такую задачу сможет выполнить и старый лидер, обнаружив в себе ресурсы прежде всего для собственного радикального обновления подобно тому, как это произошло в первой половине XIX в. с Великобританией, которая дополнила тогда свой статус ведущей торговой державы мира еще более значимым статусом ее «мастерской», диктующей миру направление его научного и промышленно-технологического развития. Впрочем, возможности столь глубокой трансформации современных Соединенных Штатов вызывают сегодня большие сомнения.

Альтернативный вариант, сопряженный с появлением нового глобального лидера, также представляется пока весьма проблема-

² Такое предположение эмпирически представляется весьма обоснованным с учетом масштабов эффекта торможения глобального развития, отмеченного в конце 2008 – начале 2009 г. О теоретических подходах к его обоснованию речь пойдет ниже.

тичным – в силу отсутствия на данный момент реального претендента на роль преемника глобального лидерства (Китай – не в счет, поскольку функционально он может претендовать лишь на роль лидера глобальной альтернативы существующему капиталистическому миропорядку, но не на роль *преемника*, призванного осуществить его *восстановление через обновление капитализма*).

Ирония истории состоит в том, что накопленный потенциал позволяет США эффективно *сдерживать* процессы формирования новых мировых центров мощи, прежде всего – способных стать преемником нынешнего лидера (если когда глобальное лидерство и станет США не по силам). При этом кажущаяся безальтернативность американского лидерства лишь усугубляет драматизм проблем текущего кризиса³. Последовательно нарастает потенциал международной конфликтности, а нормы и институты международного порядка подвергаются интенсивной эрозии. По целому ряду ключевых направлений глобального развития сохранение наметившихся в последние десятилетия тенденций, прежде всего стремительно растущего неравенства в ресурсных притязаниях «благополучных» и «бедных» (стран, регионов, сообществ), представляется одним из наиболее серьезных вызовов порядку, стабильности и эволюционным перспективам современной цивилизации. Эффективный ответ на такого рода вызовы может быть получен только при условии радикального изменения парадигмы глобального лидерства.

Проблемы изучения сложных эволюционирующих социальных систем

Многие из существующих ныне разнообразных моделей экономических циклов, колебаний рыночной конъюнктуры и биржевых котировок вполне эффективны в плане принятия тактических, а еще лучше – сиюминутных решений. Но их потенциал стратегического прогнозирования в условиях нынешних экономических потрясений оказался ничтожен, лучшим подтверждением чему явля-

³ «...На наших глазах провалены уже несколько мощных, профессионально разработанных политик – кстати, вполне “инновационных” – от вашингтонского консенсуса и финансовых деривативов до имперской политики и распространения демократии Джорджем Бушем-младшим. Проблемы с нашим миром явно глубже дипломатических недоработок...» (Павловский 2009: 7).

ется колоссальный ущерб, который терпят сегодня большинство ключевых экономических и политических институтов во всем мире. Главное, что пока ускользает из поля зрения исследователей, – это неотвратимость инициированной кризисом эволюционной трансформации глобальной системы (и в финансово-экономическом, и в социально-политическом аспектах), принуждающей ее к переходу на обновленный *режим движения*.

Разработка исследовательских инструментов, пригодных для изучения природы таких трансформаций, продвигается крайне медленно и непоследовательно. По-прежнему более востребованны подходы, нацеленные на моделирование монотонных трендов, в основе которых лежат представления о *неизменности* законов движения сложных систем в процессе их развития. В чем же состоит существо теоретико-методологических затруднений при прогнозировании развития такого рода сложных систем в период их эволюционной трансформации? 1) В неадекватности доминирующей в исследовательском сообществе линейно-поступательной парадигмы реальным трендам мирового развития; 2) в отсутствии методологии структурной эволюции миропорядка, способной описывать феномены трансляции мирового лидерства и его оспариваемости⁴; 3) в игнорировании эволюционного потенциала конфликтности; конфликт и нестабильность, как правило, рассматриваются как «нежелательные факторы» глобального миропорядка, подлежащие устранению во имя «устойчивого развития», тогда как история политики постоянно указывает на конфликт и кризис как основное движущее начало социального и политического развития. Более того, вопреки любым усилиям любых глобальных игроков мировая система *изменчива*, причем интенсивно, регулярно и не только количественно, но и качественно. И системно устойчивым в ней остается лишь процесс ее эволюционного усложнения, то есть, с эмпирической точки зрения, *движения через кризисы*. Вопрос заключается в том, каким могло бы быть наиболее эффективное описание такой системы.

Несколько огрубляя ситуацию, можно рассмотреть два альтернативных подхода. Первый, более традиционный, сводит все к модели структурно недифференцированного целого, которую можно

⁴ В этом отношении исключение составляют, безусловно, работы Ф. Броделя и школы мир-системного анализа.

отобразить с помощью минимального числа «сквозных параметров», равно пригодных для описания системы на разных стадиях ее эволюции, сколь бы радикально при этом ни трансформировались регулирующие ее развитие принципы, нормы и правила⁵. Другими словами, этот своего рода «технологический императив» меняющемуся предмету вменяет свойство неизменности, дает ему универсальную меру, в конце концов – конструирует ее⁶.

Иной подход концентрируется на описании последовательности эволюционных циклов глобальной системы сообразно взаимосвязанному изменению ее структуры и функций. Его цель – поиск законов изменения норм и правил, регулирующих развитие такой системы, а также временного закона эволюции и «особых (бифуркационных) точек» на ее эволюционной траектории. В этом и состоит ключевая методологическая дилемма, сопутствующая изучению сложных интенсивно эволюционирующих систем. В одном случае мы имеем удобство использования уже готовых доступных нам математических инструментов, но вынуждены *пренебречь* нюансами неоперационализируемых подробностей эволюционного процесса. В другом – основной целью становится *понимание* описываемых процессов и формирование инструментов такого понимания, а платою за это – открытый вопрос о возможности перевода качественной модели процесса в строгую математическую форму⁷.

⁵ Блестящий пример такого подхода см.: Коротаяев, Малков, Халтурина 2007. Амбициозную задачу моделирования глобальных демографических, экономических и культурных процессов на протяжении многих тысячелетий истории авторы решают с помощью построения однотипных моделей, включающих простейшую компактную формулу и единый «сквозной» параметр. Впрочем, такой подход – скорее крайность. Но и более сложные случаи, рассматриваемые другими авторскими коллективами и предполагающие использование особо конструируемых *комплексных индексов* или исчисляемых *агрегированных факторов*, в конечном счете методологически сводятся к той же проблеме выявления устойчивых «сквозных параметров» системы.

⁶ В отечественной науке такой подход наиболее последовательно и плодотворно развивается Коротаяевым, Грининым и их коллегами (см., например: Гринин, Коротаяев 2007; Марков, Коротаяев 2009). Наряду с этим следует отметить и попытку тех же авторов дать более широкую панораму методологических подходов к изучению того, что они называют «социальной макроэволюцией» (см., например: Гринин, Коротаяев 2009).

⁷ Особо следует отметить исследовательский подход социоестественной истории (СЕИ), разрабатываемый Э. С. Кульпиным-Губайдуллиным и его единомышленниками, ориентированный на изучение процессов коэволюции природы и общества и стремящийся сочетать возможности и преимущества как качественных, так и строгих количественных методов исследования (см., например: Кульпин 1995).

Стоит обратить внимание на ряд методологических ловушек, с которыми сопряжено продвижение в русле традиционных подходов, более конкретно рассмотреть методологию эволюционного подхода, позволяющего по-новому взглянуть на проблему локализации источника сегодняшних кризисных потрясений, а также подойти к выработке стратегии преодоления последствий кризиса на основе фундаментальной логики эволюционного усложнения глобальной системы.

Для большинства физических модельных систем (за исключением, может быть, диссипативных) скорость эволюционных изменений их базовых параметров пренебрежимо мала в сопоставлении не только со временем жизни отдельного человека, но и человечества в целом, что упраздняет саму потребность рассматривать такие системы как эволюционирующие (за исключением масштабов времен, принятых в космогонических теориях). В случае социально-политических систем, напротив, фундаментальные изменения базовых законов и норм их существования сегодня происходят уже на протяжении жизни одного поколения, причем ускоряясь со временем, что в последние десятилетия становится более чем очевидно. Тем не менее и в этом случае велик соблазн использовать традиционный инструментарий, интерпретируя развитие таких систем прежде всего как количественный рост и абстрагируясь от сопутствующих ему качественных изменений (паллиативным зачастую оказывается решение исследователей принять текущее состояние системы за окончательно установившееся: см., например, концепты пресловутого «конца истории» или «окончательного торжества» коммунизма, рыночной экономики, глобальной американской гегемонии и т. д.).

В предельном случае закон движения системы полагается неизменным, как бы «заранее заданным», и лишь «раскрывающимся» в процессе ее эволюционного усложнения. С формальной точки зрения такая логика производит впечатление безупречной, однако тонкость состоит в том, что безупречной она остается лишь на предельном уровне абстракции. В приложении к моделированию конкретных эволюционирующих систем эта логика понуждает исследователя избегать «сложных решений», предполагающих возможность закономерного изменения законов движения в процессе развития, и хотя бы качественного описания природы процессов, сопряженных с последовательным нарастанием сложности систе-

мы. В итоге задача поиска закономерностей, по которым изменяются законы ее движения в ходе эволюции, снимается, а частичные «правильности», эффективно описывающие (в виде «монотонного тренда») траекторию системы на локальном участке, соответствующем определенной фазе ее эволюционного цикла, предлагаются в качестве универсальных. В качестве конкретных примеров срабатывания этой методологической ловушки можно указать на многочисленные теории экономического роста, построенные на основании анализа относительно устойчивого, динамичного, «почти бескризисного» развития мирового рынка после Второй мировой войны (период *Pax Americana*)⁸: при первых же ударах текущего глобального кризиса их прогностический потенциал стал стремительно девальвироваться...

Апофеозом этой исследовательской логики стали получившие широкое распространение с середины 1990-х гг. идеальные модели «конца истории», «униполярного мира» и «устойчивого развития»⁹. Все они – своего рода *маркеры* глобального движения к *псевдо-однополярному* миру 1990-х гг., ставшему воплощением триумфа США, сконцентрировавших под своим контролем подавляющую часть общемировых ресурсов (вещественных, институциональных, интеллектуальных и т. д.). Вместе с тем перед нами еще одна обостряющаяся на глазах методологическая дилемма: либо мы исходим из предположения о сохраняющемся эволюционном потенциале глобальной системы и приходим к закономерному выводу о неизбежности обновления или смены лидера в ходе текущей кризисной эпохи, либо следуем логике обозначенных выше идеальных моделей и закрываем глаза на симптомы системного неблагополучия глобального развития в рамках прежней парадигмы *Pax Americana*.

Возможности концептуализации глобальной динамики в рамках парадигмы эволюционных циклов

⁸ Отмечу, что с точки зрения альтернативного подхода, предполагающего эволюционное усложнение глобальной системы, это был период, начало и конец которого четко датируемы соответственно завершением Великой депрессии и периода глобальных потрясений (1945 г.) и вступлением мира в новую эпоху великих потрясений (2008–2010 гг.) (см., например: Пантин, Лапкин 2006: 315).

⁹ Первые две сегодня уже (устами большинства своих адептов) признали свою несостоятельность. Последняя по-прежнему популярна, соблазняя исследователей перспективой путем концентрации ресурсов в руках ключевых глобальных акторов *элиминировать кризисы развития* как таковые.

Потребность в новых, более адекватных самой сути наблюдаемых трансформаций формах концептуализации перемен в сфере политики и экономики становится сегодня одним из наиболее серьезных вызовов науке об обществе. Интенсивность сдвигов и новаций в этих сферах сейчас такова, что с полным основанием позволяет рассматривать их в одном ряду с другими интенсивно эволюционирующими системами (как правило, биологической природы), когда, говоря словами И. Пригожина и И. Стенгерс, определение системы нужно «модифицировать в ходе ее эволюции» (Пригожин, Стенгерс 2000: 172). Необходимость исследования систем подобного уровня сложности и изменчивости выявляет существенные методологические лакуны соответствующих предметных дисциплин, недостаточность их исследовательского инструментария для надежной фиксации изменений и описания механизмов эволюционной динамики. Теоретический инструментарий, мало-мальски адекватный вызовам происходящего, можно обнаружить лишь в стороне от мейнстрима.

Среди исследователей, изучающих глобальную социально-политическую динамику, – на фоне почти безраздельного господства установок, фактически не допускавших даже постановки вопросов о временных пределах геополитического господства *Rex Americana* и неотвратно приближающемся глобальном экономическом коллапсе, – выделяются адепты мир-системного подхода, в рамках которого было наиболее глубоко проработано теоретическое описание циклической природы глобальных экономических и социально-политических процессов. Однако обратим внимание на то, что в рамках этого подхода экономические циклы (50–60-летние циклы Кондратьева) и циклы международной политики (100–150-летние так называемые «циклы гегемонии») разведены и корреляция между ними не всегда прослеживается. Так, например, в своей книге 1995 г. «After Liberalism» И. Валлерстайн «финальную острую субфазу» фазы «Б» экономического цикла (или так называемой понижательной волны кондратьевского цикла), «сравнимую с периодами 1932–1939, ...или 1842–1849...», датирует 1990-ми гг. (цит. по: Валлерстайн 2003б: 33), тогда как период радикальной перестройки сформированного США миропорядка («день расплаты Америки») отодвинут им на «2025 или 2050 гг.» (Там же: 193; см. также: 65–67; Модельски 2005: 63–64). Обращаясь к этой проблеме, мы в содружестве с В. И. Пантиним уже име-

ли возможность дать развернутые критические оценки этим и ряду других теоретических и методологических аспектов мир-системного анализа (см.: Пантин, Лапкин 2006: 280–287; см. также: Лапкин, Пантин 2006). Резюмируем кратко: во-первых, вслед за Н. Д. Кондратьевым мир-системный анализ исходит из неизменной продолжительности циклов, что в последние десятилетия входит в непосредственное противоречие с практикой¹⁰ и тем самым резко снижает прогностическую ценность соответствующих построений; а во-вторых, теоретическое разведение глобальных экономических циклов и «циклов гегемонии» подрывает возможность комплексного подхода к проблеме, искусственно разделяя вопросы финансово-экономической и международно-политической гегемонии, что тем более странно в современном глобализованном мире (в последнем случае следует также обратить внимание на то обстоятельство, что с точки зрения теории колебаний длительно сосуществующие в единой системе колебательные процессы с неизбежностью синхронизируются).

Альтернативный подход к описанию глобальной динамики, разрабатываемый автором совместно с В. И. Пантинным в рамках теории эволюционных циклов международной экономической и политической системы¹¹, исходит из модели четырехфазных эволюционных циклов (сдвоенных кондратьевских циклов с функциональным различием каждой из четырех фаз и пошаговым сокращением длительности понижательных волн при постоянной длительности повышательных волн). В рамках этой модели данные эволюционные циклы рассматриваются как универсальный механизм социальной эволюции, в рамках которого аналитически вычленимы экономическая и политическая составляющие (в ряде случаев – путем простого фазового сдвига в рамках единого цикла, о чем – ниже).

Ключевое понятие, позволяющее описать такой интегральный эволюционный процесс, в свое время было сформулировано Т. Парсонсом. Согласно Парсонсу, циркуляция власти внутри политики составляет лишь один из аспектов функционирования политиче-

¹⁰ Уже задолго до сегодняшнего дня скрупулезный анализ продолжительности кондратьевских циклов выявлял тенденцию к их постепенному сокращению (см.: Бродель 2007: 64; Tausch 1998).

¹¹ Первоначальные подходы: Умов, Лапкин 1992; развернутая версия: Пантин, Лапкин 2006: 280–332.

ской системы; гораздо существеннее – особенно с точки зрения характеристики эволюции общества – роль взаимодействий между его функциональными подсистемами (экономической, политической, интеграционной и воспроизводства образца). Принимая парсонсовскую функциональную дифференциацию на подсистему целедостижения (сфера политического) и подсистему адаптации (сфера экономики), можно сформулировать и более общую исследовательскую задачу – изучение *взаимобусловленности* двух функций: 1) функции целедостижения по отношению к внешней среде; 2) функции адаптации к внешней среде. Адаптация, то есть освоение внешних ресурсов, формирует предпосылки для дальнейшего целеполагания и целедостижения, что в свою очередь обеспечивает новый уровень освоенных ресурсов, стимулирует постановку новых целей экспансии общества вовне и открывает новые сферы такой экспансии, формируя новый «цикл» (или, точнее, принимая во внимание пространственную составляющую глобальных эволюционных процессов, новую «волну») развития глобальной системы. Таким образом, формируется своего рода *циклически-волновой механизм* приращения способности общества к «действию» и активной «целесообразной адаптации» по отношению к внешней ресурсно-сырьевой среде. В этом – одно из важных дополнительных обоснований необходимости развития теоретического инструментария исследования циклически-волновых процессов эволюции общества посредством трехмерного сопряжения «политика – экономика – пространство».

Взаимодействие политики с экономической подсистемой общества создает *систему мобилизации ресурсов* (Parsons 1967: 351). Такая система в процессе своего длительного функционирования и сопряженной с этим внутренней дифференциации характеризуется *накоплением* (как правило, определенным образом локализованным в наличествующем гео-политико-экономическом пространстве) значительных ресурсов власти и собственности (денег¹², богатств,

¹² Особое свойство денег и рынков делает экономическую сферу наиболее пригодной для универсального общения, возникающего «поверх» любых локальных сообществ, цивилизационных и национально-государственных барьеров. «Деньги и рынок действуют там, где существует достаточно широкое разделение труда и где область экономического действия *достаточно отделена* от политических, общинных и моральных императивов. Из всех обобщенных механизмов социетального взаимодействия деньги и рынки менее всего связаны с нормативным порядком, воплощенным в социетальном сообществе» (Парсонс 1998: 32).

капиталов), необходимым для стабилизации ее функционирования. Функцию накопления и структурной организации ресурсов мы вслед за Парсонсом рассматриваем как необходимый элемент эволюционной дифференциации общества и наращивания его структурной сложности. Само понимание сферы политического, по Парсонсу, предполагает момент контроля над ресурсной сферой: «Мы рассматриваем какое-то явление как *политическое* в той мере, в какой оно связано с *организацией и мобилизацией ресурсов для достижения каким-либо коллективом его целей*» (Парсонс 1998: 30). Заметим, что при этом строго выдерживается ясное разграничение функций политики и экономики по отношению к ресурсной сфере: обеспечение эффективного управления имеющимися ресурсами есть сфера экономики и технологии; в то время как организация и мобилизация ресурсов для достижения целей сообщества и повышения его адаптивных возможностей (то есть фактически создание эффективного ресурсного потенциала сообщества) относятся к сфере политического.

В рамках разрабатываемой нами модели четырехфазный эволюционный цикл международной экономической и политической системы включает, соответственно, последовательность фаз *технологического переворота* (или, иными словами, *инновационного рывка*), *великих потрясений* (или *репродукционной релаксации*), *революции международного рынка* (или *репродукционного рывка*) и *структурного кризиса* (или *инновационной релаксации*). То, что – с акцентом на экономическую суть происходящего – мы называем чередованием периодов инновации и репродукции, иначе – акцентируя доминирующий политический тренд периода – следует рассматривать как чередование периодов *дифференциации* и *интеграции*, то есть как выделение особых, эффективно формирующих и осваивающих инновации регионов и политических (то есть осуществляющих, по Парсонсу, функцию целеполагания и целедостижения) структур в фазе *технологического переворота* и, напротив, как самое широкое распространение новых политических и хозяйственных практик и выработку общих стандартов потребления и производства в фазе *революции международного рынка*. Последовательность всех четырех фаз эволюционного цикла можно представить следующим образом: > фаза *инновационного рывка* > фаза

репродукционной релаксации > фаза *репродукционного рывка* > фаза *инновационной релаксации* >.

Принципиальные новации разрабатываемой модели позволяют существенно повысить прогностический потенциал теоретического анализа циклически-волновых процессов мирового развития и проиллюстрировать эволюционную динамику мировой системы по крайней мере на протяжении трех последних эволюционных циклов, охватывающих период протяженностью в два с половиной столетия. Применительно же к текущим событиям нас прежде всего интересует переход от фазы *технологического переворота* к фазе *великих потрясений*, а также детализация структуры последней. Сравнительная датировка соответствующих периодов трех последних эволюционных циклов приведена в таблице.

Таблица

Фаза эволюционных циклов международной экономической и политической системы	Расчетная датировка цикла в целом и его фаз (годы)		
	цикл 1789– 1897	цикл 1897– 1981	цикл 1981– 2041
Фаза технологического переворота (или <i>инновационного рывка</i>)	1789– 1813	1897– 1921	1981– 2005
Фаза великих потрясений (или <i>репродукционной релаксации</i>)	1813– 1849	1921– 1945	2005– 2017
в том числе период растущей неустойчивости	1813– 1825	1921– 1929	2005– 2009
в том числе период великой депрессии	1825– 1837	1929– 1937	2009– 2013
в том числе период общей дестабилизации	1837– 1849	1937– 1945	2013– 2017
Фаза революции международного рынка (или <i>репродукционного рывка</i>)	1849– 1873	1945– 1969	2017– 2041
Фаза структурного кризиса (или <i>инновационной релаксации</i>)	1873– 1897	1969– 1981	2041

Анализ датировок смены фаз, представленных в таблице, иллюстрирует базовый принцип, заложенный в конструкцию предлагаемой циклической модели: ведущий 12-летний ритм, синхронизирующий основные процессы мировой динамики, плюс пошаговое сокращение (на те же 12 лет) длительности понижательных фаз (великих потрясений и структурного кризиса) при постоянной длительности повышательных фаз (технологического переворота и ре-

волюции международного рынка). Вместе с тем отметим, что описанный выше цикл смены глобального лидерства (*> Pax Britannica >* *> Pax Americana >*) легко реконструируется из приведенного в таблице путем фазового сдвига (переноса точки отсчета с начала фазы технологического переворота на переход от периода растущей неустойчивости к периоду великой депрессии в фазе великих потрясений). Тем не менее с точки зрения логики эволюционного процесса предпочтительнее в качестве фазы начала цикла избрать фазу *технологического переворота*, как это и сделано в таблице.

Нетрудно также увидеть, что текущий цикл (в рамках данной модели) оказывается особым, завершающим, поскольку в его конце система приходит в сингулярную точку (продолжительность понижающихся фаз эволюционного цикла *снижается до нуля!!!*). Этот вывод, со всей определенностью следующий из исходных посылок модели, побуждает рассматривать период завершения текущего цикла (2030-е гг.) как преддверие перехода глобальной системы к новой парадигме развития, предполагающей по меньшей мере элиминирование фаз релаксации, функциональная потребность в которых, по-видимому, отпадет.

Динамика сегодня уже глобальной *системы мобилизации ресурсов* (или *системы накопления* ресурсов власти и собственности) структурно организуется посредством трех различных принципов дифференциации. Во-первых, проводится различие последовательно сменяющих друг друга фаз «рывка» и «релаксации»; во-вторых – фаз «инновации» и «репродукции». Наконец, между однородными (инновационными или репродукционными) фазами рывка и последующей релаксации имеются две фазы относительно устойчивого развития тенденций, обеспеченных предшествующим рывком, тогда как в свою очередь релаксация (на первый взгляд, парадоксально) непосредственно предвещает последующий рывок, по существу, подготавливая его. Учитывая, что рост производства есть функция (производная) от «свободного спроса», а рост инноваций – функция (производная) от «свободного капитала», взаимосвязь этих четырех величин, в первом приближении, можно отобразить в виде четырех последовательно смещенных на $\pi/2$ синусоид (см. рис. 1).

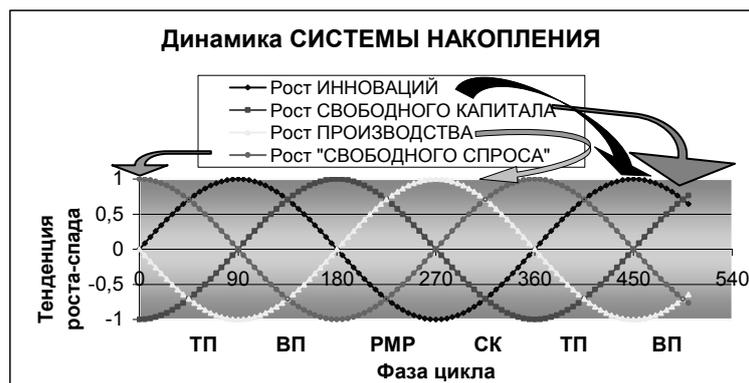

Рис. 1. Используемые обозначения: ТП – фаза *технологического переворота*; ВП – фаза *великих потрясений*; РМР – фаза *революции международного рынка*; СК – фаза *структурного кризиса*. Последовательность всех четырех фаз: > ТП > ВП > РМР > СК > – образует целостный эволюционный цикл, что на рисунке условно отображается по шкале абсцисс как $90^\circ + 90^\circ + 90^\circ + 90^\circ = 360^\circ$

Пояснение к рисунку. Максимальный рост инноваций приходится на стык ТП–ВП (как, например, в период 2001–2008 гг.), минимальный – на стык РМР–СК (см. кризис начала 1970-х гг., обозначивший острейший спрос на принципиально новые технологии в сферах энергосбережения, информатики и коммуникаций, новых материалов). Максимальный рост «свободного капитала» приходится на стык ВП–РМР (в начале 1940-х гг. это проявилось в острейшей борьбе за рынки приложения капиталов, когда только под защитой «государственного предпринимательства» – в форме военных заказов и прямого военного насилия по отношению к глобальным конкурентам – капиталы находили себе производительное применение), минимальный – на стык СК–ТП (яркий пример тому – рейганомика начала 1980-х гг., выбравшая путь «одоления» СССР посредством не «займов», но гонки вооружения, которая выявила вопиющее несовершенство советской системы мобилизации капиталов и предопределила крах «реального социализма»). Максимальный рост производства приходится на стык РМР–СК (характерна ситуация энерго- и материалоперепроизводства конца 1960-х – начала 1970-х гг., когда потребность экономики в сырьевых ресурсах оказалась не обеспеченной наличествующей сырьевой инфраструктурой), минимальный – на стык ТП–ВП (начало 2000-х гг.,

когда спекулятивный характер капиталистической экономики становится наиболее вызывающим, а реальное производство поражено стагнацией; нечто подобное характеризовало и эпоху начала – середины 1920-х гг.). Наконец, максимальный рост так называемого «свободного спроса» приходится на стык СК–ТП (расцвет «общества потребления», как, например, в 1980-е гг., когда «спрос» стимулирует рост инноваций и, в свою очередь, сам активно генерируется инновационными технологиями), минимальный – на стык ВП–РМР (когда выходящее из потребительского кризиса периода ВД общество начинает осторожно «размораживать» свои прежде ограниченные до минимума потребности, см., например, начало 1940-х гг.).

Прогностический потенциал теории эволюционных циклов и ближайшие перспективы мирового развития

Итак, вопреки большинству экономических прогнозов, но в соответствии с предсказаниями теории *эволюционных циклов*¹³ в диапазоне 2004–2006 гг. мировое сообщество вступило в чрезвычайно бурную и динамичную фазу «великих потрясений», во многом подобную двум прежним (1813–1849 и 1921–1945 гг.) и характеризующуюся резким ростом политической и экономической нестабильности в мире. А в 2008 г. спекулятивно-финансовый и спровоцированный им экономический кризисы, в хорошем соответствии со сценарием начала 1930-х гг., сработали в качестве спускового механизма, запустившего фундаментальные процессы преобразования всего прежнего социально-политического миропорядка, – путем разложения скреп стабильности, прежде десятки лет надежно защищавших общество. Прежний глобальный миропорядок (в его финансовых, шире – экономических, а также внутри- и внеш-

¹³ Стоит привести цитату из упоминавшейся выше книги 2006 г., в которой формулируется один из многочисленных прогностических выводов, следующих из этой теории: «...Руководствуясь принципом подобия, можно прогнозировать, что... в период 2005–2009 гг. (первая часть нынешней фазы великих потрясений) будет наблюдаться неустойчивый экономический рост при общем нарастании политической, экономической и социальной нестабильности как в развивающихся, так и в развитых странах мира. **Завершится же эта первая часть глубоким мировым экономическим кризисом, который разразится в 2008–2010 гг.** и станет рубежом в мировом экономическом и политическом развитии. Именно этот кризис скорее всего нанесет решающий удар по мировой финансовой пирамиде США...» (Пантин, Лапкин 2006: 315).

неполитических проявлениях) стремительно разрушается, а ресурсов и политической воли, необходимых для выработки новой архитектуры глобального миропорядка, преемственной, но в то же время и альтернативной прежней, пока что обнаружить не удастся. Действия ключевых глобальных акторов сводятся пока что преимущественно к косметическому ремонту старой конструкции (в формате «двадцатки») или же к поиску сепаратных региональных решений (что демонстрируют члены ЕС, ряд стран Восточной Азии и др.).

Справедливо, что только обнаружение «дна падения» сможет побудить общество и его элиты к отказу от роковой в данных обстоятельствах приверженности старым принципам организации социального порядка и прежде всего глобальной финансовой системы. Только это сможет всерьез поставить на повестку дня проблему выработки стратегических альтернатив монополю господствовавшим моделям прежнего миропорядка. Но при этом важны и нюансы «переходного периода», того, как и с какими потерями будут пройдены периоды великой депрессии и последующей общей дестабилизации. Другими словами, от нашего теоретического, интеллектуального оснащения или пусть даже только рефлексивной чувствительности зависит то, в какой момент «падения» мы осознаем невозможность и бесперспективность следования прежним парадигмам, диктующим нам формы восприятия социальной реальности, включая и наши жизненные интересы.

Наиболее подробно в таблице представлена структура текущего периода кризисной трансформации миросистемы, соответствующего фазе «великих потрясений» ее эволюционного цикла (и аналогичных периодов двух предыдущих циклов). Первый этап (в текущем эволюционном цикле миросистемы датируется 2005–2008 гг.) характеризуется растущей неустойчивостью миропорядка, усилением поляризации и обострением конфликтов. Переход ко второму этапу (великая депрессия, 2009–2012 гг.) обозначается глубочайшим финансово-экономическим кризисом, сокрушающим прежний мировой порядок в этой сфере (структурные аналоги нынешнего острого глобального финансового кризиса в предшествующих эволюционных циклах – эпохальные кризисы 1825 и

1929 гг.). Последовательное углубление этого кризиса и сопровождающие его социальные катаклизмы в конечном счете принудят всех основных субъектов миросистемы к решительному изменению прежних экономической и политической парадигм, – причем каждый из них вынужден будет руководствоваться почти исключительно собственными, частными интересами, формируя свой, «особый» путь преодоления последствий кризиса (это отдельная, большая тема дезинтеграции мирового порядка, тенденций автаркии и кризиса структур международного политического регулирования, неизбежных на этом этапе). Наконец, третий, заключительный этап фазы «великих потрясений» (2013–2017 гг.) станет периодом всеобщей геополитической конфронтации и дестабилизации, когда выработанные на региональном и страновом уровнях *рецепты преодоления кризиса* будут опробованы в ходе открытых межблоковых столкновений за право распространить их на всю глобальную систему (новый «передел мира»), которая и будет таким образом вновь интегрирована (по крайней мере, по большей части) к концу этого периода.

Любой кризис – по определению – является сбоем предшествующего тренда, сигнализирующим о неработоспособности прежней парадигмы, о том, что последующее находится за пределами доступного ей горизонта видения. Однако с более общих, «гиперсистемных» позиций, на которые нас выводят представления о последовательности эволюционных циклов, кризис – необходимый этап развития, функционально ответственный за осуществление структурных перемен и функциональной коррекции в целостной системе. И если говорить о глобальной миросистеме, то в самом общем смысле роль текущего кризиса состоит в первую очередь в радикальном изменении парадигмы глобального лидерства.

Однако не будем забывать, что та относительно «рутинная» (с учетом предшествующего исторического опыта) системная трансформация, осуществить которую призван нынешний кризис, лишь предваряет и, по существу, не идет ни в какое сравнение с той, с которой миру предстоит столкнуться через каких-нибудь 30–35 лет, когда в соответствии с изложенной моделью эволюционное развитие глобальной системы элиминирует фазы релаксации

и потребует выработки иных, менее ресурсно расточительных механизмов и принципов социального движения. Достаточным ли окажется потенциал эволюционной сложности глобальной системы и в достаточной ли мере мы будем понимать существо предстоящих задач, характер и масштабы связанных с их решением рисков? Собственно, в этом и состоят вызовы, бросааемые современным развитием науке об обществе.

Литература

Арриги, Дж. 2007. *Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени*. М.: Территория будущего.

Бродель, Ф. 2007. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.*: в 3 т. Т. 3. *Время мира*. 2-е изд. М.: Весь мир.

Валлерстайн, И.

2003а. *Конец знакомого мира. Социология XXI века*. М.: Логос.

2003б. *После либерализма*. М.: Едиториал УРСС.

2009. Динамика глобального кризиса. Тридцать лет спустя. *Эксперт* 35(672).

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В.

2007. Политическое развитие Мир-Системы: формальный и количественный анализ. *Проблемы математической истории: макроисторическая динамика общества и государства* / под ред. С. Ю. Малкова, Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева (с. 49–101). М.: КомКнига/URSS.

2009. *Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».

Гринспен, А. 2009. *Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы*. 2-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс.

Коротаев, А. В., Малков, А. С., Халтурина, Д. А. 2007. *Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура*. 2-е изд., испр. и доп. М.: КомКнига.

Кульпин, Э. С. 1995. *Путь России*. Кн. 1. М.: Московский лицей.

Лапкин, В. В., Пантин, В. И. 2006. Концепция эволюционного усложнения мировой политической системы (Взгляд из России). *Полис* 1.

Марков, А. В., Коротаев, А. В. 2009. *Гиперболический рост в живой природе и обществе*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».

Модельски, Дж. 2005. Эволюция глобальной политики. *Полис* 3.

Павловский, Г. 2009. Американский момент России. *Русский Журнал* 13(27), 26.05.

Пантин, В. И., Лапкин, В. В.

2002. Эволюционное усложнение политических систем: проблемы методологии и исследования. *Полис* 2.

2006. *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития*. Дубна: Феникс+.

Парсонс, Т. 1998. *Система современных обществ*. М.: Аспект Пресс.

Полянн, К. 2002. *Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя.

Пригожин, И., Стенгерс, И. 2000. *Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой*. М.: Едиториал УРСС.

Скидельски, Р.

2008. Моральная уязвимость рыночной системы. Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.akipress.org/_print.php?db=analit&id=1342

2009. Финансовый кризис и контуры мировой экономической системы будущего. *Мир перемен* 1.

Сорос, Дж. 2009. Глобальная антикризисная политика: Создать новые деньги. *Ведомости* 23(2293), 10.02. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2009/02/10/180897>

Умов, В. И., Лапкин, В. В. 1992. Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ. *Полис* 4.

Хазин, М. [Б. г.] Теория кризиса. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://worldcrisis.ru/crisis/khazin>

Chase-Dunn, C., Hall, T. D. 1997. *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder, CO: West-view Press.

Greenspan, A. 2007. *The Age of Turbulence: The Adventures in a New World*. N. Y.: The Penguin Press.

Modelski, G. 1987. *Long Cycles in World Politics*. L.: Macmillan.

Parsons, T. 1967. *Sociological Theory and Modern Society*. N. Y.: Free Press.

Soros, G. 2008. *The New Paradigm for Financial Markets: The Credit Crisis of 2008 and What It Means*. N. Y.: PublicAffairs.

Tausch, A. 1998. Submerging Markets. The Development Maraphon, 1960–2000, and Its Lessons for East Central Europe. Available at: <http://wsarch.ucr.edu/archieve/books/tausch/marathon/submergl.htm>

Wallerstein, I.

1987. *World-System Analysis. Social Theory Today*. Stanford, CA: Stanford University Press.

2004. *World-Systems Analysis: An Introduction*. Durham, NC: Duke University Press.

2008. 2008: The Demise of Neoliberal Globalization. Available at: <http://fbc.binghamton.edu/226en.htm>